

связаны с другими старообрядческими центрами России, сюда постоянно прибывали новые люди, наставники активно участвовали в религиозных съездах и прениях с единоверцами вплоть до начала XX века. Скиты, как правило, располагались вблизи от тех мест, где пролегали «пути» мезенских и золотицких рыбаков.²² Формирование былинных «очагов» рядом со старообрядческими скитами характерно не только для Беломорского побережья. Достаточно указать на широкое распространение эпических песен на р. Пижме возле известного на Печоре Великопоженского скита. Следовательно, помимо влияния печатных источников, особенностей быта на Зимнем берегу, необходимо учитывать и воздействие исполнительской традиции северных скитов на репертуар названных представителей семьи Крюковых.

Выявленный круг сюжетов последних исполнителей Зимней Золотицы дает представление о состоянии эпической традиции на стадии угасания и, естественно, не отражает в полной мере ее бытования в период расцвета. На основании известных поздних записей можно проанализировать репертуар тех носителей фольклора, которые знали и помнили золотой век былинного исполнительства, но стали свидетелями постепенного разрушения данного культурного феномена. Учитывая условия массового заселения Мезенского, Терского и Зимнего берегов в конце XVII–XVIII веках, можно предположить, что былинная традиция («очаг») Зимнего берега сложилась не ранее XVIII века и пережила свой расцвет в конце XVIII — начале XIX века. При этом следует заметить, что исполнительская школа Крюковых приобрела известность лишь на закате традиции, в трех последних поколениях этой семьи, а потому не занимала особого положения среди знаменитых сказителей Зимней Золотицы. Следовательно, говорить о существовании здесь фамильных школ с той же определенностью, как о Чупровых на Пижме, на наш взгляд, преждевременно, а принятый теперь уже а priori вывод об устойчивости традиционных эпических сюжетов и форм на Русском Севере должен быть подвергнут существенной коррекции.

²² «Игнатьевский старообрядческий скит находился на Зимнем берегу Белого моря, на острове большого озера, расположенного в 10 верстах от устья р. Ручьи, в Архангельской губернии. Земли по берегам р. Ручьи до 1866 года входили в состав Золотицкой волости, Архангельского уезда, образованного в 1780 году из Двинского уезда. После чего они вошли в состав Майденской, а с 1868 года Койденской волостей Мезенского уезда. Сельбища Ануфриевского скита находились в верховьях р.р. Койды и Майды, вокруг Койдозера на Зимнем берегу и Мезенском берегу Белого моря» (Окладников Н. А. История Игнатьевского старообрядческого скита (середина XVII–XIX в.) // Окладников Н. А. Край родной Мезенский: очерки о прошлом Мезенского края. Архангельск, 2009. С. 212).

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-105-115

А. Н. Толстой

«РАЗ В ЖИЗНИ» ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ ИЗ РУКОПИСНОЙ ТЕТРАДИ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И ПОДГОТОВКА ТЕКСТА

© А. С. АКИМОВОЙ)

1901–1911 годы — один из наиболее важных периодов в жизни А. Н. Толстого. В это время он живет в Петербурге и учится в Санкт-Петербургском технологическом институте императора Николая I, посещает Дрезден и Париж, пишет стихи и издает поэтическую книгу «Лирика» (1907), знакомится с крупнейшими русскими литераторами своего времени. Это период профессионального самоопределения Толстого, оставившего в 1911 году институт ради литературного творчества.

О значении рукописного наследия Толстого этого периода впервые написал в своих воспоминаниях К. И. Чуковский. Летом 1907 года в деревне Лутахенде в доме начинающего писателя он увидел около двенадцати тетрадей, «в идеальном порядке» лежащих на столе: «Они сплошь были исписаны его круглым, размашистым, с большими нажимами почерком. Тетрадей было не меньше двенадцати. Они сильно заинтересовали меня. На каждой была поставлена дата: „1901 год“, „1902 год“, „1903 год“ и т. д. То было полное собрание неизданных и до сих пор никому не известных юношеских произведений Алексея Толстого, писанных им чуть ли не с четырнадцатилетнего возраста!»¹ В рукописных тетрадях преобладали стихотворения, но была и проза, и записи дневникового характера, и фрагменты театральных пьес, и сведения о прочитанном. По мнению Чуковского, они свидетельствуют не только о «необычайной литературной энергии» молодого автора, но и показывают «неведомый нам трудный и долгий путь „становления“ Алексея Толстого».²

Известные на сегодняшний момент 12 тетрадей хранятся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. В личном фонде писателя в Отделе рукописей Института мировой литературы находятся семь из них: «Стихи и проза» (1899–1900),³ «Учебная тетрадь 1901 года — когда я готовился в Териоках у Войтинского к конкурсному экзамену»,⁴ «Стихотворения» (1906),⁵ «Лунные сны. Книга I» (1906–1907),⁶ «Голубое вино. Книга VI» (1907–1908),⁷ «Стихотворения. Книга VIII» (1909),⁸ «Проза» (1905–1910),⁹ а также относящийся к раннему периоду творчества «Дневник разведок золота в 1905 году».¹⁰ Три тетради стихотворений и прозы Толстого конца 1907–1909 года находятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома: «Рукописная тетрадь стихов и прозы» (ноябрь 1908),¹¹ «Рукописная книга» (август 1909),¹² «Рукописная тетрадь стихов» (1907–1908).¹³ Еще одна тетрадь, озаглавленная «Сочинения А. Толстого младшего <так!>», датированная 1904–1908 годами, содержит стихи, прозу и воспоминания студенческого периода жизни писателя, отложилась в фонде К. И. Чуковского.¹⁴

В одной из рукописных тетрадей, которую Толстой начал вести в Коктебеле в августе 1909 года, был обнаружен черновой автограф рассказа «Поэма в семнадцать лет» (1910) под названием «Раз в жизни».¹⁵ Помимо этого рассказа в тетради помещены стихотворные и прозаические тексты, эссе, заметки, наброски к роману «Две жизни», повести «Заволжье», рассказам «Смерть Нальмовых», «Казацкий штос», «Однажды ночью» и др. Одна из записанных в тетради «тем» получила развитие в дальнейшем в рассказе «Клякса» (1912): «Захолустный почтовый чиновник (велосипед) читает письма, где происходит роман. Чиновник делает глупость».¹⁶

Текст написан черными чернилами, название — «Раз в жизни» — подчеркнуто, многочисленная правка внесена черными чернилами, ряд фрагментов зачеркнут черными чернилами и красным карандашом. На полях, в верхнем левом углу изображены геометрический орнамент и два мужских профиля: мужчины с орлиным носом и курчавой бородой и юноши с одутловатым лицом и большими круглыми глазами. На листе 86 в левом нижнем углу — профиль бородатого старика с кудрявой головой

¹ Чуковский К. <Воспоминания> // Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. № 2. 145 л.

⁴ Там же. № 3. 65 л.

⁵ Там же. № 5. 85 л.

⁶ Там же. № 6. 54 л.

⁷ Там же. № 9. 55 л.

⁸ Там же. № 8. 51 л.

⁹ Там же. № 11. 60 л.

¹⁰ Там же. № 4. 59 л.

¹¹ ИРЛИ. Ф. 172. № 318. 181 л.

¹² Там же. № 322. 133 л.

¹³ Там же. № 329. 93 л.

¹⁴ РГБ. Ф. 620. Карт. 47. № 24. 143 л.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 172. № 322. Л. 82 об. — 90 об.

¹⁶ Там же. Л. 117 об.

и сутулой спиной, а на листе 90 об. — мужской профиль. (В рукописной тетради отсутствует архивная пагинация, поэтому учитывается только авторская — сверху страницы). Единая линия черными чернилами отделяет рассказ «Раз в жизни» и относящийся к нему рисунок от чернового автографа рассказа «Казацкий штос», который был опубликован в газете «Утро России» 25 декабря 1910 года, что позволяет датировать текст второй половиной 1909 — декабрем 1910 года.

Под заглавием «Поэма в семнадцать лет» и в переработанном виде рассказ был опубликован в еженедельнике «Солнце России» в 1911 году.¹⁷ Толстой изменил не только название, но и имя главного героя: «Сережа Белкин»¹⁸ было заменено на «Леонтий» (без указания фамилии). Главный герой рассказа — студент-провинциал, который приезжает в Петербург учиться в университете, он нуждается в деньгах и мечтает о любви. Действие разворачивается на фоне унылого городского пейзажа. В основе повествования наблюдения самого Толстого, с 1901 по 1911 год студента механического отделения Технологического института, который вносил «плату за учение», т. е. за возможность посещения лекций, в размере 50 рублей ежегодно¹⁹ и жил в Петербурге на съемных квартирах. В 1907 году Толстой, начинающий поэт, издал на собственные средства первую поэтическую книгу «Лирика» (1907), что нашло отражение в рассказе в мечтах молодого поэта, студента Сережи Белкина, о книге стихов и поэтической славе.²⁰ Как и в черновом автографе, он пишет поэму, центральной героиней которой становится Любовь. Ее прототип — возлюбленная поэта, Любочка: «Леонтий вообще ничему не удивлялся, кроме самого себя, потому что писал стихи — большую поэму первый в жизни раз. В поэме героиню звали Любовью, и она была совсем такой же, как живая Любочка, прибегавшая каждый вечер после восьми часов к Леонтьеву слушать стихи».²¹

Черновой автограф «Раз в жизни» представляет собой вариант опубликованного рассказа «Поэма в семнадцать лет», в котором уже был прописан и сюжет, и образы главных героев, молодого поэта, Любочки и ее отца-антиквара, которые в дальнейшем уточнялись и обрастали психологическими деталями.

Большее место, по сравнению с черновым автографом, в окончательной версии отводилось описанию воображаемого мира, в котором существует главный герой: «Вот это место, — говорил Леонтий томно, — нравится ли оно тебе? — перечитывал вновь, и в горячей его голове постоянно путались и действительность, и мечта, Любочка живая и Любочка написанная, как белые и серые нитки, которые нельзя разделить в сумерках или в то время, когда перед глазами любовный туман».²²

В результате переработки текста чернового автографа более определенными стали поэтические мечты героя. В «Раз в жизни» идея издать книгу стихов на присланные отцом для оплаты обучения деньги приходит внезапно, для Сережи Белкина важно одно: он — поэт. В «Поэме в семнадцать лет» Толстой подробнее обрисовывает психологическое состояние погрузившегося в мечты молодого человека и предполагаемую оценку его поэзии читателями:

«Раз в жизни»	«Поэма в семнадцать лет»
В сущности, как глупо, зачем я сюда пришел, во-первых, у меня двадцать копеек, вот получу деньги от отца — тогда... Он	Но у Леонтия не было денег, а на те, что пришлет ему отец, решил он издать поэму книжкой. Думая о будущей этой книжке,

¹⁷ Солнце России. 1910. № 9. С. 5–8.

¹⁸ Появление такого имени можно связать с биографическими деталями жизни Толстого: летом 1908 года в Париже Толстой познакомился с В. П. Белкиным, впоследствии ставшим его близким другом.

¹⁹ ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. № 7040. Л. 2, 14, 38.

²⁰ Автобиографические образы и мотивы Толстой впоследствии неоднократно будет использовать в своем творчестве, в частности в рассказе «Туманный день» (1911), герой которого, бедный студент-провинциал, сходит с ума от несчастной любви.

²¹ Солнце России. 1911. № 9. С. 5.

²² Там же. С. 6.

пришлет для взноса в университет, а я лучше разделю деньги, на одну половину куплю конфет, цветов и этот медальон Любочке, а на другую издам книгу стихов. Книга стихов, Сергей Белкин. Вот удивятся все. Я — поэт. Как хорошо быть поэтом. Вон глядят на меня и думают — кто это такой, а потом узнают и будут вспоминать, мы видели Сергея Белкина на Александровском рынке, у него задумчивое, узкое лицо, черные волосы, довольно длинные, потертое пальто и мягкая шляпа, а Любочка всем скажет, я его тогда же и полюбила...	Леонтий бледнел, представляя, как все прочтут стихи и скажут: — «Представьте, Леонтий-то — поэт, да еще какой, дерзкий», а те, что сейчас проходят за спиной, припомнят: «Как же, мы его видели, у него задумчивое и узкое лицо, черные волосы и пальто довольно потертое, удивительно!» На это им всем Любочка моя ответит: — Я еще тогда признала его поэтом и полюбила.²³
---	--

В версии «Солнца России» встретившийся герою старик описан лаконично и точно: «Белые волосы падали у него до плеч, бородатое лицо было прикрыто шляпой, а из-под дождевого его плаща торчал скрипичный гриф». ²⁴ В черновом автографе старик был описан как «широкоплечий», «сутулое тело <...> было скрыто под резиновым плащом», — «широкоплечий» автор заменил на «высокий», а затем на «очень высокий» и сократил все описание до лаконичной фразы: «Старик был очень высокий и сутулый, под резиновым плащом». Автор отказался и от описания впечатления, которое незнакомец произвел на Сергея Белкина, вычеркнув следующее: «Лица его он даже не приметил, только глаза и брови». Голос старика характеризовали эпитеты «грубый», «сердитый», «хриплый», из которых автор оставил один — «сердитый». В опубликованной «Поэме в семнадцать лет» старик поднял на Леонтия «быстрые и умные глаза»; ²⁵ в черновом автографе: «взглянул на Сережу быстрыми, как ртуть, глазками из-под седых бровей».

В рассказе «Раз в жизни» главный герой, Сергей Белкин, был описан как юноша с «кудрявой мальчишеской», затем «кудрявой юношеской» головой, однако от обеих характеристик Толстой отказался. Зачеркнув чернилами и красным карандашом и абзац, в котором говорилось, почему Сергей пошел за стариком на антикварный рынок: «Сделал все это Сережа по той же непонятной причине, почему разглядывал старика... Несознанно <так!> влекла его {в эти} к этим людям и в эти места, где пахло антикварной пылью, так же<,> как пахнет темное мягкое Любочкино платье и черный ее пердник узк <так!>». ²⁶

Ранний вариант содержал не только мечты о Любочке, но и о богатстве: «Она так смешно складывает на коленях ручки и одергивает юбку, чтобы я до времени не видел ее ног. Господи Боже, когда же настанет это время. Скоро, конечно. Я разбогатею». Последнее предложение в опубликованном тексте было опущено.

Толстой работал и над обликом героини: в черновом автографе ее глаза «серые с большими лучами», где «большими» заменено на «зелеными».

В черновом автографе отсутствует описание возражающей отцу Любочки, оно появляется только в журнальном тексте:

«Раз в жизни»	«Поэма в семнадцать лет»
— Ударьте, папаша, — сказала Любочка, — а его я не позволю тронуть, я его люблю и выйду за него замуж...	— Побейте меня, папаша, — говорила Любочка, и глаза ее от напряжения налились слезами, — а его не дам тронуть, он мой жених... ²⁷

²³ Там же. С. 5–6.

²⁴ Там же. С. 5.

²⁵ Там же.

²⁶ В фигурные скобки заключено вычеркнутое на первом этапе правки; полужирным выделено вставленное на первом этапе правки.

²⁷ Там же. С. 7.

В опубликованной «Поэме в семнадцать лет» Толстой показывает реакцию зевак на конфликт между стариком и разбившим антикварную вазу Леонтием: «Мужчины говорили: — Так ее, так егозу, — а женщины подбодряли Любочку: — Не уступай жениха, девка, старому-то добра своего жалко, небось, помрет, с собой не возьмет...».²⁸ А также добавляет в текст описание действий старика, встретившего Леонтия вскоре после бегства дочери: «А старик поднял дубинку и ударил Леонтия между глаз...».²⁹ В черновом автографе оно отсутствовало: «Старик поднял палку, и из глаз Сережи, или это показалось только, брызнул желтый огонь».

Более реалистичным, по сравнению с черновым автографом, становится и финал рассказа: Леонтий выписывается из больницы, «подросший, худой и весь обритый», он более не студент и не занимается «прилежно», как в «Раз в жизни», теперь он работает и сослуживцу в трактире, выпив пива, говорит: «Ты не смотри, что я с тобой пиво пью, я, брат, недавно припомнил, что в молодости написал удивительную поэму, как живую, но заболел тифом от небрежности, знаешь, жил впроголодь. Ну-с, поэмка-то моя и пропала. А после не писал — тоскливо очень...».³⁰

Рассказ «Поэма в семнадцать лет» («Раз в жизни») подобрал в себя круг тем и образов, интересовавших Толстого в 1910-е годы. Герой таких рассказов «чаще всего — одинокий, никому не нужный, опустившийся неудачник, жалкий, чуть смешной чужак, находящийся иной раз на грани безумия».³¹ Местом действия таких произведений становится туманный Петербург, «темный город с высокими узкими домами»,³² который населяют тоскующие художники и отчаявшиеся поэты («Чудаки», 1911), скучающие девушки, увлеченные модными авторами («Фавн», 1912), и одинокие чиновники («Американский подводный житель», 1913) — «заброшенные люди».³³

Эти рассказы связаны, прежде всего, с жизнью студентов-провинциалов, которые приехали в Петербург учиться, нуждаются в деньгах и шатаются по унылому туманному Петербургу, мечтая о любви. Образ бедного озлобленного студента встречается в этот период и на страницах дневника писателя под заглавием «О ноздрячке»: «Я видел студента в театре. В очках, с бородкой, очень бедный, шел, закинув немного голову, и ноздри у него были круглы, [как] словно раздуты, а рот плотно сжат. Я подумал, что он очень гордый и озлобленный бедностью, поэтому ходит всегда с плотно сжатым ртом; [а через ноздри ему мо<жно>] так что через ноздри я заглянул ему в душу».³⁴

Произведения первой половины 1910-х годов во многом основаны на личных впечатлениях приехавшего в столицу для поступления в институт Алексея Толстого, на которого Петербург произвел «неприятное впечатление»: «...сыро, темно, неуютно, пахло бюрократией», — писал он родителям в начале 1902 года.³⁵ В дневнике 1911–1914 годов город предстает как «беспросветный — сырой, туманный днем, промозглый зеленоватым светом ночью».³⁶ В рассказе «Раз в жизни» город описан кратко, сжато. Однако как и в изображении героев, так и в изображении города, работая над окончательным текстом, Толстой сокращает детали, вычеркивая некоторые подробности. В зачеркнутом автором абзаце упоминались Екатерининский канал и Казанская улица: «— Скорей, скорей, — торопила Любочка<, —> повернем по каналу. По каналу они повернули направо, перебежали через мост и на **Казанс<кую>**, по **Казанской** улице остановил<ись>. Казанскую улицу<,> где жил Сережа. Старик за ними не гнался».³⁷

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 8.

³⁰ Там же.

³¹ Поляк Л. М. Алексей Толстой — художник. М., 1964. С. 90.

³² Толстой А. Н. Дневник 1911–1914 гг. / Вступ. статья и публ. А. И. Хайлова // А. Н. Толстой: Материалы и исследования. М., 1985. С. 296.

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 283.

³⁵ Переписка А. Н. Толстого: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 96.

³⁶ Толстой А. Н. Дневник 1911–1914 гг. С. 320.

³⁷ Полу жирным выделено вставленное на первом этапе правки.

Окутанный фантастическим туманом и светом заходящего солнца город в сознании героя постепенно приобретает реальные очертания, наполняясь криком торговцев, звонками трамваев и историей о жителях подземелий Александровского рынка, заваленных контрабандой. В тексте, опубликованном в журнале «Солнце России», отсутствует рассказ Любочки об увиденном в подвалах Александровского рынка, который занимал квартал между Садовой улицей, набережной реки Фонтанки, Вознесенским проспектом и Малковым (Банным) переулком (ныне — переулок Бойцова). Внутри рынка были расположены Большой пассаж, который тянулся вдоль Вознесенского проспекта и Садовой улицы; Владимирский пассаж; Первый и Второй поперечный пассажи; Татарская площадь; Большая и Малая толкучие площади. В двух корпусах с высокими стенами и стеклянными крышами, построенных в 1865–1868 годах по проекту архитектора А. К. Бруни, размещались лавки букинистов и антикваров, где можно было найти любое издание и «встретить многих книголюбов — от ученика средней школы до маститого ученого». ³⁸ Лавочки антикваров были тесными и маленькими и имели запасные помещения в подвалах, «куда можно было попасть через люк по лестнице». ³⁹ Вероятно, отсюда могла родиться легенда о потайных хранилищах краденого на Ново-Александровском рынке (см. в черновике: «...здесь есть люк в подвалы, которые вырыты подо всем Александровским рынком»).

Необходимо отметить и сходство с романтической повестью Э. Т. А. Гофмана «Золотой горшок». В сюжете рассказа отчетливо проявилось традиционное для романтической литературы противопоставление поэтического мира влюбленного поэта и реальности. Подобно герою повести Гофмана, Сергей Белкин находится под чарами Любочки, оказавшейся дочерью старика-антиквара, с которым молодой человек случайно сталкивается у входа на рынок, и который затем преследует его весь день. В задумчивости Сергей бродит по антикварному рынку, где, как и Ансельм, разбивает старинную вазу. Однако романтическая завязка сюжета у Толстого, как и во многих его рассказах 1910-х годов, получает вполне реалистическое объяснение: старый антиквар намеренно ставил вазы на край ларя, вымогая деньги с рассеянных прохожих. Таким образом, петербургский период жизни Толстого, его культурно-эстетическая среда не только нашли отражение в рассказах Толстого 1910-х годов, но, по справедливому замечанию А. М. Крюковой, «послужили своего рода импульсом к их созданию». ⁴⁰

Рассказ «Раз в жизни» публикуется по последнему слою правки чернового автографа (ИРЛИ. Ф. 172. № 322. Л. 82 об. — 90 об.). Текст воспроизводится в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

А. Н. Толстой

РАЗ В ЖИЗНИ

Старик, повернув с Вознесенского на Садовую, остановился под арками Александровского рынка и чихнул. Старик был очень высокий и сутулый, под резиновым плащом, а на лицо легла тень от черной шляпы и спутанных сивых волос, падавших сзади на плечи. Из-под плаща виднелся гриф скрипки, которую старик держал под мышкой, и огромные калоши шаркали по плитам, как две слоновьи ноги.

Старик остановился и чихнул, пробормотав: «Господи, прости», — прошелся два шага и чихнул еще раз. Это его удивило, он воскликнул: «Ах ты пропасть, спичку в нос!» — и чихнул третий так, что высокая шляпа его едва не свалилась...

Все это заметил Сережа Белкин, очень юный поэт, и прислонился к столбу, подпавшему арку... Старик как бы раздумывал — идти ли ему дальше, вынул платок,

³⁸ Мартынов П. Н. Полвека в мире книг. Л., 1969. С. 43.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Крюкова А. М. Алексей Николаевич Толстой. М., 1989. С. 6.

высморкался трубой и только тогда взглянул на Сережу быстрыми, как ртуть, глазками из-под седых бровей...

— Случай, — сказал старик, — чих какой напал, <—> и, внезапно сорвавшись, быстро зашаркал калошами и пропал — должно быть, завернул во двор рынка. А Сережа в задумчивости остался стоять у колонны, не сознавая еще, почему его так сильно удивил старик. А Сережу сегодня ничто не должно было интересовать, кроме только что оконченной поэмы, под чарами которой все: и люди, и огни, и улица были подернуты фантастическим туманом, да еще девушки Любочки. У Любочки падали от затылка две толстые косы до пояса, от темного ее платья пахло сладкой пылью старых вещей и еще чем-то свежим и опасным, и складки темного платья так любовно падали от пояса к ногам в туфлях с помпончиками и так стыдливо охраняли все тело... Поэма написана была про Любочку, а Любочка, приходя, садилась с очень внимательным лицом на стул у стола, за которым, засунув пальцы под непослушные волосы, сидел бледный Сережа, и строго слушала Сережины стихи, раскрыв огромные, серые с зелеными лучами глаза. Окончив слушать, она ладонями брала Сережину дорогую голову и, прижав ее к маленькой своей груди, не могла найти слов, пот<ому> Любочкин язык был поцелуй <так!> и женская ласка, нежная и опасная, как ее глаза...

Сережа двинулся к тому месту, где пропал старик, и, подумав, завернул через ворота в узкий проход между высокими стенами, перекрытыми стеклянной крышей, над которой висели фонари. Там же на выступах окон сидели, перепархивая и разговаривая на гулливом своем языке сизые и белые голуби... Сверху они видели, должно быть, одни головы и размахивающие руки множества людей, которые переходили из лавки в лавку, сообщая сплетни, или рассматривали в витринах медальоны, часы, печати... Но для голубей были устроены особые палки с тряпкой наверху. Когда Сережа вошел на рынок — старая еврейка, размахивая длинной палкой, кричала — «кыш, кыш», — и голуби испуганно трепетали крыльями над ее товаром. Черноволосые девушки останавливали <нрзб.>, прося только посмотреть совсем новое бальное платье, которое они отдают даром. У сапожной лавки Сережу схватил за рукав худой юноша и, выкатив от ужаса глаза, прошептал: «Нигде не купит их, нигде не купит дешевле пар сапог».

Но Сережа шел, улыбаясь и слабо отмахиваясь; голова его кружилась от крика и странного запаха этого белого, заставленного старыми вещами коридора, где суют в руки ненужные и дорогие вещи: старый фарфор, предки,¹ ковры, камею и даже живую красивую девушку, запаха совсем такого, как от Любочкиного темного платья.

Когда Сережа дошел до середины рынка, багровый где-то за морем закат долетел до стеклянной крыши, прошел сквозь стекла и озолотил белых голубей, а сизые стали как будто грустить. И в ту же минуту, зашипев, зажглись сразу все восемь лиловатых фонарей, и свет их выдвинул из темноты низких и грязных лавок множество привлекательных вещей.

Сережа засмеялся наконец, так велика была его совершенно беспричинная радость, и наклонился над витриной, выбирая что-нибудь недорогое, но красивое, чтобы подарить Любочке.

— Вот этот медальон, — подумал Сережа, — нет, он груб, лучше вот этот в серебре. В сущности, как глупо, зачем я сюда пришел, во-первых, у меня двадцать копеек, вот получу деньги от отца — тогда... Он придет для взноса в университет, а я лучше разделю деньги, на одну половину куплю конфет, цветов и этот медальон Любочке, а на другую издам книгу стихов. Книга стихов, Сергей Белкин. Вот удивятся все. Я — поэт. Как хорошо быть поэтом. Вон глядят на меня и думают — кто это такой, а потом узнают и будут вспоминать, мы видели Сергея Белкина на Александровском рынке, у него задумчивое, узкое лицо, черные волосы, довольно длинные, потертое пальто и мягкая шляпа, а Любочка всем скажет, я его тогда же и полюбила...

Сережа все ниже наклонялся над ларем и ничего за стеклом уже не видел, даже спина заныла, как долго он стоял согнувшись.

— Сейчас половина шестого, — продолжал Сережа, — а Любочка придет в восемь. Она так смешно складывает на коленях ручки и одергивает юбку, чтобы я до времени не видел ее ног. Господи Боже, когда же настанет это время. Скоро, конечно. А разве

купить ей эту вазу. Старинная и страшно, наверное, дорогая... Конечно, как я не сообщил, Любочка всегда упоминала про рынок, наверно, она где-нибудь здесь сидит и продает картины, а я-то дурак. Где-нибудь сейчас, рядом со мной, облокотилась на ручку, и глаза грустные, может, видит даже меня...

Сережа так взволновался, что быстро выпрямился, взмахнув локтем, и дорогая ваза, стоявшая на ларе, наклонилась и, как живая, спрыгнула на асфальтовый пол и, звякнув, рассыпалась. Сережа присел над ней, и холод от затылка, как морозная пальма на стекле, побежал по спине, и лоб покрылся каплями пота.

Пальцы Сережины прыгали и никак не могли ухватить хотя бы один осколок, и сердитый голос в это время сказал над ухом:

— Шестьсот рублей...

Сережа легонько вздохнул и поднял голову. У порога стоял давешний старик, но вместо скрипки держал в руке белую кружку с чаем, в котором плавал лимон.

— У меня нет денег, — молвил Сережа тихо...

Тогда старик с силой втолкнул его в темную лавчонку, захлопнул дверь и кричал любопытным соседям, набежавшим посмотреть разбитую вазу:

— Я его в огуречный рассол посажу, мне дела нет — отдай мои деньги! — пошел, шаркая калошами, за городовым.

Когда Сережа отошел от здорового толчка и темноты, которая прятала все драгоценности сырой лавчонки, протянул он руки, чтобы не удариться, и схватил чьи-то теплые миленькие ладони... Сережа ахнул — наклоняясь к его лицу, беззвучно смеялась Любочка, рот ее раскрыт, большие глаза жмурились как щелки, и подпрыгивали плечи.

— Тише, — сказала она, — не смей говорить, когда ты стоял, нагнувшись над ларем и бормотал про себя, я думала, лопну со смеху... А отец пил чай, смотрел на тебя и ждал, когда ты свалишь вазу, ее нарочно для этого и поставили с краю.

Сережа, раскрыв рот, стоял перед девушкой, и радостно ему было и страшно, и он ничего ровно изо всего этого не понимал.

— Что же мы стоим, — воскликнула Любочка, — надо бежать, сейчас отец придет с полицейским и тебя отведут в часть...

— Побежим, — повторил Сережа, заглядывая Любочке в глаза...

— Знаешь, здесь есть люк в подвалы, которые вырыты подо всем Александровским рынком. Очень мало кто знает про эти подвалы. Там есть большая зала, в которой лежат контрабанда и краденая мебель, картины, бронза, одежда. Все, что ты видел здесь, — ничтожная часть того. В залу выходят коридоры с камерами — там живут те, с кем не нужно встречаться...

— Так пойдем же, — прошептал Сережа, робко оглядываясь.

— Нельзя, вчера я спустилась было туда, и на лестнице меня встретили две женщины, одна рыжая, молодая и курносая, в зеленом платье, весь лоб ее покрыт был красными пятнами, они загородили дорогу и сказали:

— Иди, иди, если хочешь прогнать, — я испугалась и прислонилась к стене, а другая, карлица с большим лицом, погрозила мне пальцем, рыжая захохотала.

— Холера, — сказала она, — тогда я побежала, как только могла скоро наверх. А за моей спиной ржали мужики. Все это подсказала Любочка неторопливо, словно вспоминая виденный сон, а когда кончила, в дверь вошел ее отец и полицейский...

— Вот он, — сказал старик, показав на Серезу узловатым пальцем...

— Это вы разбили? — спросил полицейский.

— Нет, не он, а я, — сказала Любочка, — это я подтолкнула вазу, которая нарочно там и стояла, чтобы ее разбили и заплатили...

— Ах ты блоха, — воскликнул старик, подняв руку, но полицейский его остановил, сказав, что драться не полагается...

— Ударьте, папаша, — сказала Любочка, — а его я не позволю тронуть, я его люблю и выйду за него замуж...

— Ого-го... — засмеялся полицейский, — да тут попа надо, а не меня. Эй, ты, почтенный, ты как же это так — полицию обманываешь, молодого человека срамишь, знаешь, что я с тобой сделаю...

— Врет она, — сказал старик, — он разбил.

Но полицейский желал вознаградиться, сделал вид, что рассердился и хочет вести старика в часть... Усы у полицейского были огромные и такие красные, будто красил он ими забор. Глядя на эти усы, старик не на шутку испугался, а Любочка и Сережа бочком пробрались из лавки и побежали к Садовой, держась за руки...

— Ко мне, да? — спрашивал на бегу Сережа, — ты останешься у меня, солнышко...

— А ты на мне женишься? — спросила Любочка.

— Да, да...

— Тогда к тебе...

И они вскочили в трамвай, сели рядом в угол, и Сережа тихонько пожал Любочкино колено ногой...

Трамвай подпрыгивал, звенел, шипел искрами, и кондуктор, тощий оттого, что ежедневно надевал на себя множество жестянок и охранную сумку, спросил у Сережи и Любочки, покачав головой:

— У кого билетов не имеется...

— Я не вернусь к отцу, пока замуж за тебя не выйду, — сказала Любочка и вдруг, взглянув в окно, в испуге откинула голову, словно кольнули ее в глаза, и она ударилась затылком о стекло. Сережа взглянул туда же и увидел Любочкиного отца, который бежал рядом с трамваем, держа в руке большой бронзовый подсвечник, которым взмахивал, как кистенем...

— Он сейчас к нам вскочит, — сказала Любочка. В это время с Гороховой, ухнув, как жаба, кинулся белый автомобиль и, весь задрожав и рыча, остановился, едва не врезавшись в трамвай. Трамвай успел проскочить, а Любочкин отец наскочил на автомобиль и упал, уронив подсвечник. Трамвай остановился на остановке — Сережа и Любочка, соскочив с трамвая, побежали по Гороховой на Екатерининский канал...

Сережа жил в мансарде на седьмом этаже, в комнате с круглым окошком, горела железная печь, когда Сережа и Любочка вбежали, тотчас же затворив за собою дверь. Любочка спрятала руки под передник, и зубы ее быстро и мелко стучали, и на огромные глаза налились слезы от холода ли улицы или от страха....

— Любочка, грейся у печки, — сказал Сережа, подбегая к окну, глубоко внизу у подножья дома горел невидимый сверху фонарь, освещаая стену дома на противоположной стороне улицы. По желтой этой стене медленно поплыла большая тень с огромной косматой головой, удлинилась, вырастая и наклоняясь к тротуару, и растаяла, чтобы возникнуть, вырасти и пропасть под следующим фонарем...

— Он прошел мимо нас, — сказал Сережа, — тепло ли тебе, душенька...

— Нет, — сказала Любочка, — согрей меня, я дрожу...

Глаза у Любочки подернулись сном, щеки покраснели<сь>, и как лед были холодны маленькие руки... У Сережи не было ни рому, ни лекарства. Он засуетился сначала, а потом, нахмуясь, стал снимать промокшие ее башмаки, говоря: «Ложись скорей, а то придет <так> лихорадка...»

— Я вся мокрая, — сказала Любочка, сделав губу сковородником. И Сережа, умиляясь от нежности, расстегнул темное ее платье и уложил Любочку в постель, закутав одеялом до глаз так, что одни глаза ее светились, как звезды... Но Любочка не засыпала, стуча зубами:

— Хочешь, я лягу к тебе, согрею, — сказал Сережа...

— Да, Сережа, мне холодно...

Тогда он тоже разделся, лег и, охватив Любочку, не пошевелился, пока она не стала ровно и тихо дышать, полуоткрыв рот.

Ровно в полночь Любочка вскрикнула и села на кровати, волосы ее спутались, а голые руки и плечи горели от жара...

— Сережа, что мы делаем, мы лежим как муж и жена, — она медленно отвела от глаз рукою прядь волос, задумалась и заговорила совсем несвязное, ударяя ладонками по одеялу, а Сережа глядел на нее снизу вверх с испугом... Потом Любочка повалилась на подушки и металась до утра... сбрасывая с себя одеяло и одежду... А Сережа хотел взять перочинный нож и резать себя с радостью на кусочки, только бы Любочке было не больно.

Утром в одной рубашке, дрожа от холода, так как печь давно потухла, выглянул он в окно. На противоположном тротуаре стоял вчерашний старик, задумчиво глядя на Серезино окно. Вместо шандала в руках его была суковатая дубинка, на которую он и опирался. Поглядев, старик покачал головой и медленно пошел. Обернувшись, погрозил и снова зашагал, стуча дубинкой...

Любочка бредила весь день, всю ночь и все следующие сутки... Наконец она очнулась и сказала:

— Я хотела бы, прежде чем умереть, родить тебе девочку, похожую на меня, но это нужно долго ждать, и мы еще не муж и жена...

— Молчи, молчи, — говорил Сереза, мотая головой. Сидел он на полу у ее постели...

Поздно вечером Любочка опять сказала:

— Я все равно умру, Сереза, я не хочу, чтобы ты любил кого-нибудь, кроме меня. Если я умру девушкой, ты меня назавтра же и забудешь...

— Нет же, неправда...

Любочка вздохнула и прошептала капризно:

— Не противоречь... Иди ко мне...

Всю ночь Любочка тихо спала, а Сереза, сидя у стола, дергал себя за волосы, говоря:

— Хуже меня не может быть человека. Если ты умрешь, то и я...

Но Любочка не умерла, она исчезла, когда Сереза вечером ходил к доктору на Литейный...

Исчезла вся ее одежда, кроме носового платочка, давно забытого на столе. Стоя посреди опустевшей комнаты, Сереза подумал, уж не было ли все это сном и посмотрел даже на отрывной календарь, но числа были не оторваны... Ни швейцар, ни горничная соседней квартиры ничего не знали. Сереза побежал на Александровский рынок. Все там было закрыто. Да и лавку старика Сереза не мог разыскать... Сильный дождь лил на стеклянную крышу, и голуби, нахохлившись, сидели по карнизам, и сырой холодный сквозняк остужал Серезу в промозглом узком коридоре рынка. Выйдя на Фонтанку, Сереза шел как пьяный вдоль набережной по рухнувшему когда-то Египетскому мосту...² Одежда его промокла и прилипала, и чавкали башмаки... Встречная баба с лукошком за спиной, взглянув в лицо Серезе, прошептала:

— Господи, помилуй, — и два раза оглянулась...

Сереза прошел и Египетский, и Калинкин мост³ и вдруг остановился. У многоэтажного темно-красного дома, выходящего на Фонтанку углом, стоял старик, прислонясь к стене... Сереза с легким криком побежал к нему. Старик поднял палку, и из глаз Серезы, или это показалось только, брызнул желтый огонь.

Когда Сереза через месяц выписался из Калинкинской больницы,⁴ — не было места ему на земле от скуки. Он ничего не помнил и ходил с обритой головой, худой и желтый, на лекции, стараясь развить в себе память и прилежно заниматься...

Однажды на вопрос товарища, любил ли он когда-нибудь, объяснил:

— Раньше я писал стихи и сочинил удивительную поэму, силюсь вспомнить и не могу. Потом я заболел тифом, а рукопись пропала... Теперь я не пишу больше стихов, к чему? Тоскливо очень.

¹ Имеются в виду портреты. В рассказе «Трагик» (1913) обитатель заброшенной усадьбы провинциальный актер Кривичев, показывая гостю дом и указывая на портреты, говорит: «Предки-с! — радостно воскликнул он. — Часто беседую с ними от скуки. Этот вот генерал — петербургская штука, поглядите...» (Толстой А. Н. Соч.: В 10 т. М., [1913]. Т. 3. С. 55). «Покупать предков» — так называл Толстой походы по антикварным магазинам в поисках старинных портретов. Вл. Лидин вспоминал слова Толстого: «Слушай, пойдем покупать предков. У каждого должны быть приличные предки. Почему тебе не иметь, например, предка-генерала?» (Лидин Вл. <Воспоминания> // Воспоминания об А. Н. Толстом. М., 1973. С. 159).

² Построенный в 1825–1826 годах Египетский мост через реку Фонтанку обрушился 2 февраля 1905 года, когда по нему проходил кавалерийский полк. С 16 апреля 1905-го по 1955 год действовал временный мост.

³ Калинкин мост или Старо-Калинкин (с 1907 года) — один из шести постоянных каменных мостов, построенных в 1780-х годах через Фонтанку. В 1907–1908 годах был расширен.

⁴ Калининская больница в Санкт-Петербурге — первая венерологическая больница в России, учрежденная в середине XVIII века, находится близ Калинкина моста.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-115-122

© Е. И. Орлова

**«СОЕДИНИТЬ РАБОТУ ЖУРНАЛЬНУЮ С НАУЧНОЙ...»
(Б. М. ЭЙХЕНБАУМ В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ
«ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ» 1912 ГОДА)***

Многое о раннем Б. М. Эйхенбауме уже известно исследователям,¹ но начало его литературно-критической деятельности еще не было прослежено подробно. После окончания в 1912 году Петербургского университета Эйхенбаум приходит к выводу о том, что прошел необходимые ему стадии постижения смысла человеческой жизни. Еще раньше, в 1906 году, молодой ученый размышлял: «Рождает вопросы, чувства, мысли и т. д. жизнь; изображает их с возможной яркостью и силой искусство, а решает, объясняет и т. д. наука. Тут неразрывная цепь, величайший союз и единство».² Получив профессиональное образование как музыкант и певец, став дипломированным филологом, Эйхенбаум утверждает в том, что необходим синтез искусства и науки. Как литературовед он видит возможность такого синтеза в сотрудничестве с периодическими изданиями. «Соединить работу журнальную с научной — мой идеал», — пишет он родителям в 1913 году. И добавляет: «Журнальная, по-видимому, пойдет хорошо».³

Предполагать это ему позволил опыт сотрудничества в еженедельнике «Запросы жизни». Через пять лет после публикации в «Вестнике Европы» первой статьи — «Пушкин-поэт и бунт 1825 года (Опыт психологического исследования)» — в 1912 году он впервые выступает как литературный критик: в двух отделах еженедельника «Запросы жизни» («Литературное обозрение» и «Библиография») появляются шесть его материалов, еще один — в отделе «Театр». Не все они в наше время учтены, некоторые из них известны считаному количеству исследователей. Ввести их в более широкий научный оборот видится необходимым.

Еженедельник «Запросы жизни» выходил в Петербурге с 1909 до 1912 года. Его инициатором, издателем и редактором был Рувим Маркович Бланк (1868, по другим данным, 1866–1954), доктор наук, химик по образованию. Он учредил еженедельник совместно с профессором Санкт-Петербургского политехнического института Максимом Максимовичем Ковалевским (1851–1916) — юристом, социологом, историком, одним из основателей партии прогрессистов. Но к 1912 году, когда в «Запросах жизни» начинает сотрудничать Эйхенбаум, Бланк уже в одиночку ведет журнал, Ковалевский же становится издателем-редактором «Вестника Европы». В объявлении о подписке на 1912 год редколлегия анонсировала сотрудничество в «Запросах жизни» академиков В. И. Вернадского и К. К. Арсеньева, профессоров В. М. Бехтерева, И. И. Мечникова, К. А. Тимирязева, Е. Н. Трубецкого, Е. В. Аничкова, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и многих других авторов, российских и зарубежных.

* Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00003).

¹ См.: *Депретто К.* Формализм в России: предшественники, история, контекст / Авторизованный пер. с фр. В. Мильчиной. М., 2015; *Львов В. С.* Литературная критика формальной школы: Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015; *Эпоха «остранения». Русский формализм и современное гуманитарное знание* / Ред.-сост. Я. Левченко и И. Пильщиков. М., 2017, и др.

² *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб., 2004. С. 258. Курсив мой. — Е. О.

³ Там же. С. 292.